

ХАРАКТЕР И ЗНАЧЕНИЕ НАХОДОК РУНИЧЕСКИХ НАДПИСЕЙ НА СЫРДАРЬЕ

Археологи хорошо знают, что такое удача на раскопках. Это весьма редко приходящее, но во всем закономерное воздаяние исследователю за многолетний, упорный и осознанный труд, подчиненный точно направленному научному поиску. Именно такая удача пришла к Ербулату Смаголову – хорошему археологу, долгие годы посвятившему изучению средневековых городских центров Южного Казахстана. Наиболее крупных и исторически значимых городских центров.

Не мне говорить, к чему привели эти раскопки – результаты их велики, и полученные материалы будут цениться и использоваться как в ближайшем, так и в далеком будущем многими и многими специалистами в разных областях постижения прошлого Казахстана и Средней Азии.

Здесь речь пойдет лишь о двух находках, но, несомненно, являющихся не только большой удачей Ербулата Смагулова но и его истинными, крупными открытиями. При раскопках двух городищ – руин некогда цветущих и знаменитых раннесредневековых городов: Карагане (Сауран до рубежа 13 и 14 вв.) и Культобе (Яссы, Туркестан) – им обнаружены надписи, когда-то нанесенные на туловы двух глиняных сосудов. Эти краткие письменные памятники принадлежат к образцам редчайшего, сегодня представленного лишь несколькими оригиналами рукоподобного письма, условно именуемого ачикташским. Надписи Саурана представляют лишь четвертый пункт этого письма (соответственно условный палеографический индекс двух исписанных фрагментов будет А 4/1-2), а Туркестана – шестой (А 6)³⁰⁵. Найденные Ербулатом Смагулова выводят изучение этого культурного явления на новый уровень.

Постараюсь показать здесь значение этих открытий. В своих наблюдениях я с благодарностью опираюсь на данные и изображения, как изданные самим археологом (Смагулов, 2009. С. 208, рис. 4; 2011. С. 319-321, рис. 79, 80; Смагулов, Ержигитова, 2009. С. 227, 228, рис. 1; Колжасарова, 2012), так и по-дружески предоставленные им мне для изучения сразу же по обнаружению надписей. Ряд комментариев я получил в личных письмах Е.А. Смаглова.

Сауран (А 4/1-2) (рис. 1-3). Первоначально это была, вероятно, довольно длинная единая надпись в две строки, частично сохранившаяся на двух разрозненных фрагментах лощеного сосуда. Пять черепков одного горшка были обнаружены в 2008 г. при раскопках относящегося к 3-му строительному горизонту помещения 3 на северо-восточном участке раскопа 1 (Смагулов, 2011. С. 137-139, рис. 3-5, 38). Четыре обломка соединялись друг с другом и склеены археологами, благодаря чему получена придонная часть горшковидного сосуда, по плечам и верней части туловы украшенного резным узором в виде двух ярусов свисающих роговидных фигур. Ниже их почти у самого дна горшка горизонтальными рядами и были вырезаны руны (рис. 1, 2). На черепке, соединившемся с остальными, сохранились 9 письменных знаков (А 4/1). При общем счете я учитываю и словоразделительные отметки. Первая (справа) и последняя (слева) руны уцелели лишь частично, но могут быть узнаны. Высота знаков, по свидетельству Е.А. Смагулова достигает 3 см. Пятый обломок, не совмещающийся с иными, также принадлежит к придонной части горшка. Он несет фрагменты двух горизонтальных строк

³⁰⁵ Индексы означают алфавитную принадлежность (ачикташское письмо) и порядковый номер надписи, соответствующий очередности ее обнаружения. Пятый памятник ачикташского письма – наскальное граффити на противоположном северо-восточном склоне Карагату (горы Кызыл, урочище Кемер) – обнаружен в 2009 г. археологом А.Е. Рогожинским (2010. С. 332, 333, рис. 2). По прорисовкам и фотоснимкам, присланным мне исследователем, можно пока выделить 13 видов букв, из которых 11 принадлежат к ачикташской письменности. Трудноразличимую надпись предстоит уточнить по оригиналу.

(А 4/2) (рис. 3). В верхней – без начала и конца – уцелело 8 букв, в нижней, сохранившей абсолютный конец надписи, завершающейся троеточием словораздела, три письменных знака, только два из которых буквы. Автор раскопок обобщенно указывает, что высота рун обеих строк достигает здесь 2,5 – 2,6 см. Нет сомнения, что надпись была нанесена на уже обожженный сосуд.

Короткая вторая, нижняя строка А 4/2, отмеченная слева особым знаком словораздела и окончания текста (знак-трееточие), обрывается перед свободной от написаний поверхностью и уже таким своим размещением с несомненностью указывает на то, что надпись нанесена справа налево и в этом направлении ее следует читать. Согласно изучению фотоснимков строки А 4/1, во всех случаях первоначально нанесены борозды правой части составляющих ее семи рун, затем их левой части, т.е. облик каждой буквы здесь формировался справа налево (рис. 4, I). В том же направлении были нанесены и линии обеих орнаментальных роговидных фигур, различимых на реставрированных частях сосуда (см. особенно их продольные черты). Следовательно, движение справа налево было естественным для наносивших их людей – и при рисовании, и при письме. Для обсуждаемого здесь вопроса показательно, что узор нанесен на сосуд не одновременно, а ранее надписи – при изучении подлинника Е.А. Смагулов установил, что орнамент был нанесен до обжига горшка. Тем самым, нельзя утверждать, что украшение сосуда и наделение его надписью сделал один человек. Однако, судя по фотоснимкам, можно полагать, что те и другие борозды сделаны инструментами со сходной формой рабочей части. Разумеется, что борозды узора несколько глубже штрихов надписи, поскольку первые наносились по мягкому, а вторые – по твердому материалу. Вместе с тем отмечу, что короткие штрихи словоразделительного знака-трееточия второй строки надписи А 4/2 выявляют клиновидное сечение самого конца орудия письма, заостренного к одной стороне, чего нельзя заметить ни по остальным рунам, ни по резам орнамента.

Прослеживая присущее для создателя надписи направление письма, следует сказать, что при изучении фотоснимков обеих строк А 4/2 возникает противоречивое впечатление, которое важно обсудить здесь. Порядок нанесения борозд большинства буквенных знаков верхней строки, как хорошо заметно, подчинен движению справа налево (руны 1, 4, 6-8, рис. 4, II), подтверждая выводы, полученные по черепку А 4/1. Такое направление письма подтверждается и наложением в верхней строке надписи последнего, крайнего левого знака 8 на предшествующую руну 7 (рис. 3). И вместе с тем видно, что М-образная руна, по счету пятая справа, начертана слева направо. Кроме того, тесно выписанные знаки первой строки А 4/2 еще раз перекрывают друг друга: такова третья справа руна левый отводок которой перечеркивает ранее нанесенный на черепок четвертый справа знак в основании его правой части (рис. 3). Можно думать, что левая часть строки (руны 4-8) оказалась нанесена на сосуд ранее правой (руны 1-3).

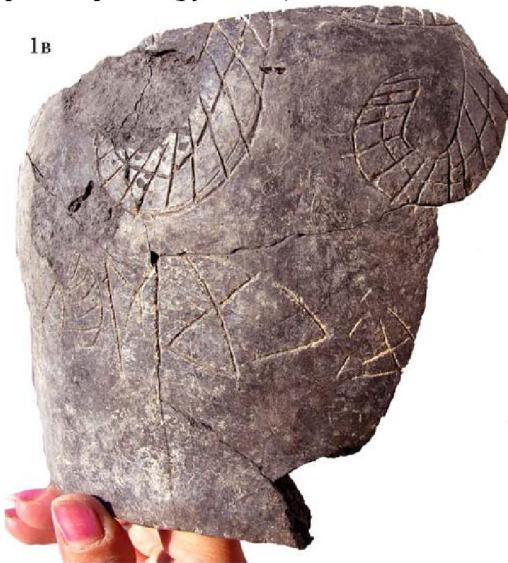

Рис. 1. Городище Каратобе (Сауран). Первый черепок сосуда с надписью. Правая часть граффити. Фото Е.А. Смагулова.

Рис. 2. Городище Каратобе. Первый черепок сосуда с надписью. Левая часть граффити. Фото Е.А. Смагулова.

Пожалуй, особо показательно, но и труднообъяснимо размещение второй строки не ниже начала надписи, как это обычно бывает при переносе не вместившегося в одну строку рунического текста, а в конце, если так понимать взаимное расположение граффити на первом и втором черепках. Обсуждая это обстоятельство, следует подчеркнуть, что обычно в рунических надписях иного, азиатского письма (орхонский, енисейский и таласский алфавиты) начальные знаки по высоте превосходят последующие – подобно тому, что наблюдается на двух черепках из древнего Саурана.

К сожалению, археологические условия обнаружения обломков сосуда с надписью в руинах Саурана (верхние слои забутовки постройки 3 третьего строительного горизонта на 90 см выше пола помещения, уровень 5 яруса) не позволяют с большой точностью установить время создания письменного памятника. Таким образом, черепки сосуда с рунами могли принадлежать к раннему этапу второго строительного горизонта и попасть в заполнение при выравнивании новой жилой поверхности. Хронология горизонтов на городище Каратобе, установленная Ербулатом Смагуловым (2009. С. 209, рис. 1, разрез; 2011. С. 139), позволяет предварительно отнести важную для нас находку ко времени, близкому к X в.

В виде широкой аналогии подтверждением предложенной датировке, по-моему, окажутся лепные сосуды горшковидной формы открытого профиля, иной раз украшенные пышным резным узором. В конкретных локальных проявлениях они именно в IX и X вв. распространились по степной зоне Евразии от Енисея (где такой орнамент редок и бутоновиден) до Нижней Волги и Нижнего Дона (где обычен узор в виде свисающих гирлянд). Надо думать, неслучайно подобная сосуду с надписью лепная керамика составляет в слоях Каратобе особую по технологии и орнаментации группу, по составу округлобоких форм (кружки, горшковидные сосуды с двумя петельчатыми ручками, кувшины, а также крышки и пр. – Смагулов, Ержигитова, 2009. С. 227; Смагулов, 2011. Рис. 58) во многом близкую набору столь же обособленной по технологии, облику и орнаментике посуды второй половины IX – первой половины X вв. из Сакела – Белой Вежи (Плетнева, 1975. С. 230-239, 262, 266, рис. 15-23, 49; С. 216, рис. 82, 27-30).

Туркестан (А 6) (рис. 5, 6). Небольшой двуручный сосуд с вертикально нанесенной на тулове надписью обнаружен в стоячем положении в массе строительной пахсы, вероятно, прилегавшей к мощной крепостной стене цитадели. Размашистая надпись в две вертикально направленных строки нанесена еще до обжига, по сырому тулову только что выпеченного гончаром сосуда. Правее этих двух строк и ранее их была еще одна короткая строка, намеренно частично стертая писавшим. Этую строку и станем именовать первой (стк. 1), соответственно нумеруя последующие, слева лежащие, как вторую (стк. 2) и третью (стк. 3)³⁰⁶.

Рис. 3. Городище Каратобе. Второй черепок с надписью. Фото Е.А. Смагулова.

³⁰⁶ По любезно предоставленному Смагуловым Е.А. описанию сосуд достаточно вместительный. Его высота 23см, диаметр венчика 18см. В него помещается 7 литров воды. Две небольшие пластинчатые ручки (шириной 2,5см) прикреплены к плечикам сосуда (рис.).

Насколько можно судить, первая строка состояла из пяти знаков, замятых подушкой большого пальца левой руки (Е.А. Смагулов, личное письмо автору этих строк от 13 мая 2012 г.) (рис. 5). Автор раскопок, исследовав подлинник, считает, что это произошло по неосторожности писавшего, удерживавшего мягкий до обжига сосуд при нанесении стк. 2. На фотоснимке следы кожного рисунка давившего пальца хорошо различимы поверх краиного справа знака, в меньшей степени – на остатках второй справа буквы и не видны на трех последующих. Две левые руны, согласно впечатлению, производимому фотографией, вовсе избежали такого воздействия и различимы вполне ясно. Однако крайний знак здесь не прописан полностью – его вертикальный ствол лишь слегка намечен и не соединяется с верхней частью.

Обратим внимание на то, что эта буква начертана поверх следов заглаживания боковины еще сырого сосуда чем-то вроде щепки или пучка травы. Такие следы идут не только справа по свободной от букв поверхности, но и остаются хорошо различимыми на участке 2-4 слева рун этой строки. Здесь бороздки, оставшиеся от опередившего надпись заглаживания, без помех проходят через места, предполагаемого повреждения буквенных знаков. То есть отрицают как нанесение этих повреждений, так и былое полное написание самих букв (ср. иное состояние оставшихся от заглаживания царапин на помятой части краиного справа знака). Если эти наблюдения подтвердит знающий подлинник Ербулат Смагулов, останется думать, что в первой строке надписи три руны из пяти были только намечены писавшим. Правда, при письме по глине такое предварительное действие выглядит странным. Ко всему, оно противоречит уверенному нанесению знаков стк. 2 и стк. 3, вероятно, выполненному той же рукой.

Верхняя часть горшка, похоже, сформована на гончарном круге, а нижняя часть, донная - на подставке. На дне снаружи нет характерного следа срезания с круга. Придонная часть снаружи подрезана ножом. После соединения обеих частей, сосуд еще подправлен на круге. Внутри имеются характерные круговые рельефные линии, а снаружи в придонной части их нет.

После некоторой просушки горшок облит желтоватым ангобом и на боку его по сырому ангобу нанесена руническая надпись. После чего венчик и верх плечиков сосуда облиты красновато-коричневым ангобом, который стекая вниз, оставил характерные потеки.

Три строки надписи расположены вертикально по тулowi сосуда, ближе к одной из ручек. Если считать, что писались строки справа налево, то на тулowi сосуда они писались снизу вверх. Очевидно, при письме горшок былложен на бок и удерживался левой рукой с захватом венчика, так что четыре пальца оказывались внутри, а большой палец снаружи и при этом он непроизвольно надавливал на зону плечика. При этом, как нам представляется, при написании второй-третьей строки большой палец примял глину на верхней первой строке. Поэтому начертание их выглядит не столь четким.

Верхняя строка расположена в зоне наибольшей выпуклости тулова. Ее длина 9 см., и она состоит, вероятно, из 8 знаков. Стока оканчивается на одном уровне плечика со средней строкой, которая наиболее протяженна; ее длина 15 см., она состоит из 11 четко прорисованных знаков. Нижняя строка, так же короче средней (6,5 см; состоит из 4 знаков), но она начинается на одном уровне со средней строкой, в нижней части максимально выпуклой зоны тулова сосуда. Таким образом, по нашей транскрипции в трех строках надписи всего 23 знака. Их высота от 2,5 до 3 см. Прочерчены они инструментом с тупым рабочим концом, который оставлял бороздку в среднем миллиметровой ширины овального профиля. В «почерке» чувствуется уверенная рука, выводившая линии в основном с равномерным нажимом, но особенности инструмента письма (не похоже что бы это был специальный инструмент, скорее первая попавшаяся под руку палочка) не позволили добиться четкой прорисовки знаков.

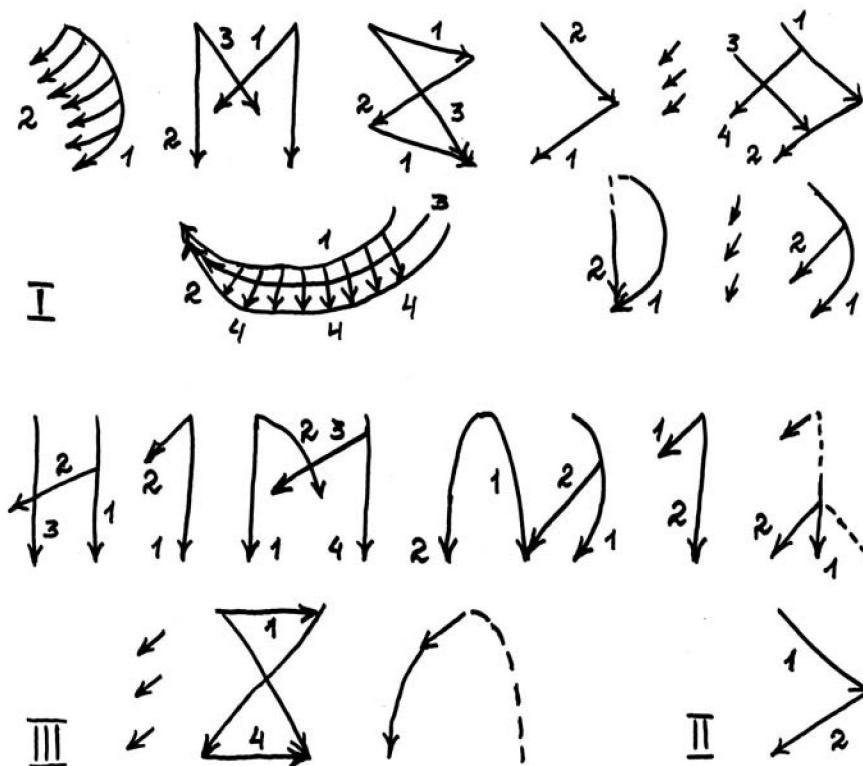

Рис. 4. Порядок нанесения знаков надписи и орнаментальной фигуры на первом (I) и втором (II, III) черепках сосуда с городища Каратобе. Схема составлена И.Л. Кызласовым.

Особенности начертания букв убеждают, что первую и вторую строки нанес один человек. Полное внешнее сходство имеют левый знак в стк. 1 и пятая слева руна в стк. 2. Образующие эти буквы штрихи начертаны в единой последовательности в направлении справа налево (рис. 7, I, II). Справа налево перемещался инструмент и при начертании второй слева руны в стк. 1. Несмотря на порядок построения двух уцелевших знаков, эта строка могла читаться и от венчика сосуда к его основанию, т.е. слева направо.

Именно так следует читать вторую строку, состоящую из десяти письменных знаков, считая и знак словораздела, имеющий вид двоеточия. О таком направлении строки, прежде всего, свидетельствуют зеркальные, левые развороты многих рун. Нумеруя их от левой (верхней) к правой (нижней), таковы знаки 1-3, 7 и 9; с меньшей уверенностью (ориентируясь на скос перекладин), вероятно и 8-й. В то же время последовательность построения каждой из рунических букв, на мой взгляд, не подчиняется здесь единому порядку (рис. 7, II): борозды всех трех левых рун выстроены слева направо, пятой и шестой – наоборот, справа налево, как и седьмой, восьмой и десятой, но девятый (второй справа), скорее всего, вновь – слева направо. Этот разнобой, скорее всего, объясняется непривычностью для писавшего вести строку слева направо, указывая на обыденность иного направления письма.

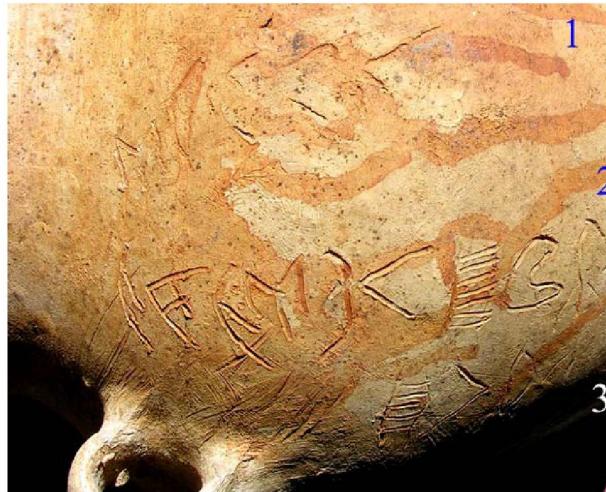

Рис. 5. Городище Культобе (Туркестан). Надпись на сосуде. Общий вид. Сосуд размечен на боку. Фото Е.А. Смагулова.

Нижний знак третьей строки расположен точно на уровне последней, правой руны стк. 2 (рис. 6). Состоящая всего из четырех букв, эта строка после верхнего знака оставляет свободным значительный просвет поверхности. Обе особенности размещения стк. 3, с моей точки зрения, указывают на ее написание в направлении справа налево. О том же свидетельствует правильный, направо, разворот третьей руны-угла (ср. положение той же буквы в стк. 2). Отмеченная композиционная связь последней руны стк. 2 и первой в стк. 3 указывает, что вторая и третья строки составляют единый текст. Следовательно, он нанесен бустрофедоном. К этой перемене направления строк, была, как мы видели, приспособлена и форма букв в обеих строках.

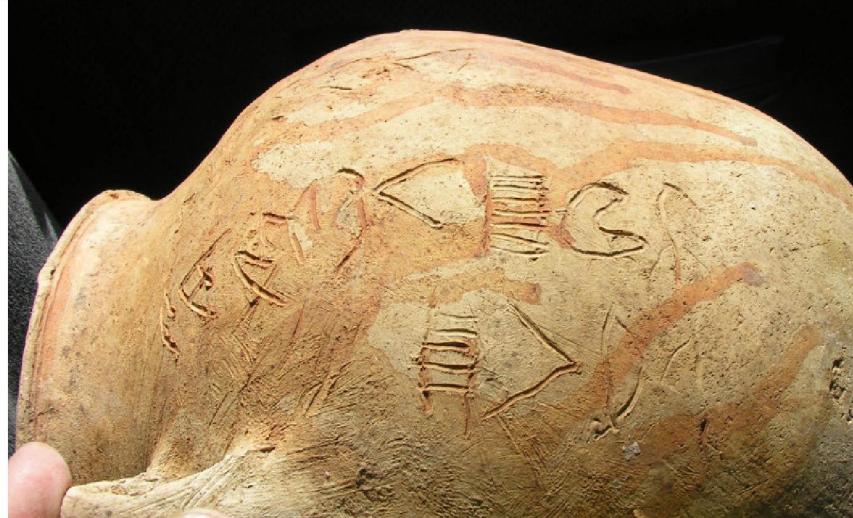

Рис. 6. Городище Культобе. Надпись на сосуде. Вторая и третья строки. Фото Е.А. Смагулова.

Построение первого знака стк. 3 мне рассмотреть не удается, борозды второго, третьего и четвертого наносились слева направо (рис. 7, III).

Обнаружение бустрофедона, связывающего две строки, влечет за собой уверенность, что стк. 1 по содержанию не была связана с другими. И смазана она была не случайно, а намеренно – писавший сразу же изменил начало текста, убрав неудачную попытку. Следовательно, и само нанесение надписи на сосуд было делом быстрым, текст не был продуман заранее.

Изначальную неподготовленность нашего автора к созданию надписи выявляют и следы использованного им для этого орудия. Определение случайности оказавшегося под рукой у писавшего инструмента, сразу же сделанное Е.А. Смагуловым (письмо ко мне от 8 мая 2012 г.), не подлежит сомнению. Вероятно, это и правда была какая-то палочка. На то указывает разная глубина и плоская форма в большинстве округло начинающихся и завершающихся борозд, как и разный наклон орудия относительно поверхности сосуда, иногда возникавший при нанесении одной и той же руны (см.

крайний левый знак в первой, смазанной строке). Судя по особенностям размещения, словоразделительная отметка-двоеточие в стк. 2 внесена в просвет между уже написанными ранее руны. Диаметр окружных точек этого знака примерно равен ширине буквенных борозд, а форма круглых оттисков позволяет считать, что использованная для письма палочка была круглой с прямо срезанным концом. Однако такая реконструкция инструмента объясняет не все виды штрихов, встреченные в надписи. Тонкие линии нижних отводков 10-го знака в стк. 2, как и вершин боковых стволов 4-ой руны стк. 3 оставлены острием. Будь у орудия таким вторым концом, не было бы нужды писать толстым. Остается предположить, что выше округлого торца могло быть довольно острое ребро.

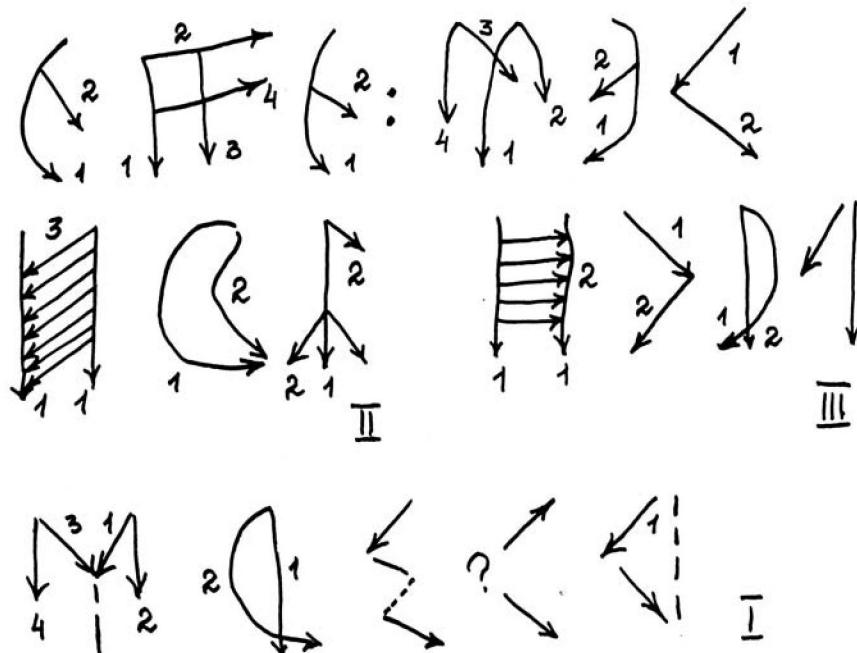

Рис. 7. Порядок нанесения знаков надписи в первой (I), второй (II) и третьей (III) строках на сосуде с городища Культобе. Схема составлена И.Л. Кызласовым.

Археологические условия туркестанской находки не содержат данных для точной датировки надписей. Насколько знаю, по стратиграфическим наблюдениям Ербулат Смагулов относит сосуд с надписью к IX-X вв. Этой дате отвечают и палеографические особенности надписи, поскольку в ней используются две руны енисейского алфавита. В стк. 1 (первый знак) и в стк. 2 (пятый знак) это буква для г², а вторая руна в стк. 2 – характерная буква для т. Она же стоит в начале уцелевшей части строки на первом черепке из Саурана. Материалы по вероятному формированию облика и распространению енисейской руны для т см.: (Кызласов, 1994. С. 83, 88, 89, табл. XXV, А). Воздействие енисейской рунической традиции на письменную культуру Казахстана и Киргизстана, как показывают иные эпиграфические памятники этих земель, происходило именно в IX-X вв., быть может, даже не столько в IX, сколько в X в. (Кызласов, 2005а; 2005б; 2010; 2011; Рогожинский, Кызласов, 2004; 2011).

***

Палеографическое определение обоих эпиграфических памятников Саурана и Туркестана не представляет затруднений. Оставляя в стороне две буквы, по моему мнению, проникшие из енисейского алфавита и при сравнении азбук занимающие обособленное место (рис. 8, 29, 30), надписи содержат 14 самобытных видов букв, 13 из которых являются характерными отличительными особенностями так называемого ачикташского рунического письма Средней Азии (рис. 8, 1, 2, 4-10, 13, 14, 16, 27). Примененные на сосудах руны подтверждают самобытный характер ачикташского алфавита, и несколько дополняют известный его состав. Так, впервые встречены словоразделители в виде троеточия (до того были известны лишь две вертикально размещенные точки) (рис. 8, 7) и Н-образная руна (рис. 8, 28).

Таким образом, по пяти лаконичным надписям ныне известно 28 рунических знаков, входивших в состав ачикташского алфавита. Поныне остается неизвестным полный его состав, как и то какие звуки отражали выявленные письменные знаки. Проникновение в надписи Саурана и Туркестана отдельных енисейских рун создает определенные возможности для будущей дешифровки ачикташской азбуки.

Nº	A1	A2	A3	A4	A6	Nº	A1	A2	A3	A4	A6
1	>	>	>	>	><	17	¶				
2	Ҫ Ҫ		Ҫ	Ҫ		18	□				
3	Ӯ					19	Ӯ				
4	□ □	□ □				20	ڻ				
5	ڣ ڣ ڣ ڣ ڣ ڣ					21	ڙ				
6	Ӣ Ӣ Ӣ		Ӣ	Ӣ		22	ܠ				
7	:	:	:	ڻ		23	ܠ				
8	ܰ ܰ ܰ ܰ ܰ ܰ					24	ܠ				
9	ܰ ܰ ܰ ܰ					25	ܠ				
10	ܰ ܰ ܰ ܰ					26	ܠ				
11	ܰ					27		ܰ ܰ ܰ			
12	ܰ					28		ܠ			
13	ܠ		ܠ	ܠ		29		ܠ	ܠ		
14	ܰ			ܰ		30				ܠ	
15	ܰ		ܰ			31	ܰ }	ܠ			ܰ
16	ܰ ܰ		ܰ ܰ ܰ			32	ܠ				ܰ

Рис. 8. Знаки ачиштаской письменности, встречающиеся в надписях на ачиштаской палочке (A 1), скале урочища Тозбулак (A 2), черепках сосудов с городища Алтын-асар (A 3), Каратобе (Саурен, A 4) и на сосуде из Культобе (Туркестан, A 6). №№ 31, 32 – сомнительные начертания. Составлено И.Л. Кызласовым

Ныне ради этой работы следует привести частотность применения известных рун – вероятно, буквы для гласных применялись чаще прочих. В пяти надписях руна № 1 (рис. 8) встречена 19 раз, № 2 – 8 раз, если учесть левый разворот в Саурене, в трех памятниках, № 3 – 6 раз в одной надписи, № 4 – 9 раз в трех, № 5 – 10 раз (с левым разворотом) в 5 памятниках, № 6 – 7 в четырех, № 7 – двоеточия 6 раз в трех, а троеточие – 3 раза в одной, № 8 – 8 раз в 4 надписях, № 9 и 10 – по 5 раз в трех, № 11 и 12 – по 2 раза в одной, № 13 – 3 раза в трех, № 14 и 15 – 2 раза в двух, № 16 – 5 раз в трех, № 20 и 21 – по 2 раза в двух надписях, № 27 – 3 раза в трех, остальные знаки (№ 17-19, 22-26, 28) встретились только по разу в каждой из трех надписей.

Все надписи, кроме туркестанской, написаны справа налево, на что уже обращалось специальное внимание (Кызласов, 1994. С. 174). Направление слева направо, примененное на сосуде, не свойственно ачиштаскому письму в целом и, как мы видели, не было привычно самому писавшему. Объяснить это явление при столь малочисленных данных нельзя, но подобные ситуации, отмеченные в отношении некоторых енисейских надписей, позволяют подозревать здесь внешнее культурное влияние.

Впервые выделенная мною по совокупности палеографических признаков в 1987 г. (С. 142, 143), ачиштаская письменность до находок в Саурене, в Кызылтау и Туркестане была представлена только тремя письменными памятниками: давно и хорошо известной таласской (ачиштаской) палочкой (A 1), наскальными строками урочища Тозбулак (A 2) и граффито на черепке сосуда, найденного в Алтын-асаре (A 3). Описание, изображение, палеографический анализ этих письменных памятников, как и историю их изучения и связанную с ними библиографию см.: (Кызласов, 1990. С. 131-141, рис. 36-38, табл. XXI-XXIII (A 1, A 2); 1994. С. 56-62, 279-284, рис. 7, 8, табл. XVIII, XIX, XXI, XXXIII (A 1 – A 3); 1995. С. 142-154).

Рис. 9. Размещение надписей ачикташского письма. Карта-схема. 1 – ачикташская (таласская) палочка, 2 – Тузбулак, 3 – Алтын-асар, 4 – Сауран (Каратобе), 5 – Кемер, 6 – Туркестан (Культобе). Составлена И.Л. Кызласовым.

Ранее известные памятники, несмотря на свою малочисленность, обрисовали обширный ареал, включивший нижнее и среднее Среднеазиатское Междуречье и прилегающие к нему с востока пределы долины Таласа. Новые находки не только расширили географические (следовательно, и этнополитические) границы ачикташского письма (связав с ним среднее течение Сырдарьи) (рис. 9), но и существенно уточнили представления о времени его бытования – от наиболее раннего Алтын-асара (предположительно конец VII – начало VIII в.) до рубежа IX и X вв.

Важнейшее значение сделанных Ербулатом Смагуловым эпиграфических находок состоит в том, что они с несомненностью выявляют принадлежность ачикташской письменности к городской культуре, о чем можно было бы лишь подозревать по находке в Алтан-асаре. Ближе к X в., как показывает сосуд из Туркестана, этим письмом владели даже ремесленники-гончары. Следует видеть также, что руническое ачикташское письмо продолжало существовать в мусульманализированных присырдаринских городах, письменная культура которых уже длительный период времени была связана со священным для ислама арабским письмом. Думается, что подобное явление возможно объяснить только длительным предшествующим существованием ачикташских рун и значительным авторитетом их в местном обществе.

Вероятно, следует пока воздержаться от исторического истолкования этого поныне таинственного культурного явления. Однако археологически выявленные благодаря раскопкам Е.А. Смагулова многообразные материальные проявления этнокультурной среды, использовавшей ачикташскую письменность, как и имеющиеся ныне археологические датировки эпиграфического материала наводят на мысль о его раннеогузской принадлежности. Хотя, вполне вероятно, что ачикташское письмо имело глубокие исторические корни и относилось к предшествующей и воспринятой, изначально кангаро-печенежской среде. На то указывают сравнительные палеографические данные (Кызласов И.Л., 1994. С. 215). Науке предстоит уточнить многие серьезные проблемы, прежде всего, выяснить полный состав алфавита, время и условия бытования ачикташского письма. И ныне вполне очевидно, что этому в большой мере будут способствовать новые археологические открытия в Южном Казахстане.

Весьма существенно, что ачикташская руническая письменность принадлежит к западной ветви рунического письма – к так называемой евроазиатской группе, имевшей совершенно самостоятельное происхождение, никак не зависевшие от орхонского, енисейского или таласского алфавитов.

Однако родственные ачикташскому алфавиту письменности ныне известны – это донское и кубанское письмо Хазарского каганата (причем последнее продолжало до XIII в. применяться волжскими булгарами, что не оставляет сомнений в его использовании тюркоязычными народами), это так называемое исфаринское письмо Ферганской долины и южноенисейская письменность Южной Сибири (также тюркоязычная). Эти пять рунических алфавитных систем, несомненно, некогда имевшие

общее происхождение, и составляют особую евроазиатскую группу рунических письменностей степной зоны (Кызласов, 1994. С. 65-73, табл. XXI-XXIII).

Кроме сопоставимого состава письменных знаков, в относящихся к этой группы алфавитов надписях отмечается и общность орфографических принципов, не присущих азиатским руническим памятникам орхоно-енисейской группы. Не умев пока прочесть евроазиатские письмена, нельзя не видеть, однако, специфическую норму их правописания, нередко побуждавшую обозначать словоразделительной отметкой абсолютное окончание надписи. Эту особенность мы встречаем в надписи из Саурана в виде знака троеточия второй строки черепка А 4/2 (рис. 3), в форме двоеточия – в надписях на фрагментах керамики из Маяков (К 9) и Биляра (К 11) кубанского алфавита Европы, так же как и на стеле Эдегей VI (Ю 17) южноенисейского письма Саяно-Алтая или в облике одной точки в южноенисейских по азбуке граффити: Озерная II (Ю10) в Хакасии, Чинге (Ю 14) в Туве (Кызласов, 1994. С. 273-275, 306, 307, 312, 313, 315, 316). В названной сибирской письменности систематически существуют словоразделительные отметки, состоящие из одной, двух и трех вертикально расположенных точек (Кызласов, 1994. Табл. XV, 10, 19, 30).

Так же как и ачикташское письмо, вся евроазиатская группа рунических письменностей остается не дешифрованной. Наша наука, с полной ответственностью перед последующими поколениями, обязана накапливать фактические и аналитические данные в обсуждаемой области письменной культуры предков.

ЛИТЕРАТУРА

- Копжасарова Л. В древнем Туркестане писали рунами // Комсомольская правда. Казахстан, 18 мая 2012.
- Кызласов И.Л. Две группы тюркских рунических алфавитов. Опыт выделения // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тезисы докладов. М., 1987.
- Кызласов И.Л. Древнетюркские рунические письменности Евразии. М.: ИА АН СССР, 1990. 179 с.
- Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. М.: Наука, 1994. 327 с.
- Кызласов И.Л. Рунические алфавиты Средней Азии // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. Бишкек, 1995. С. 142-154.
- Кызласов И.Л. Таласские наскальные надписи // Российская археология, 2005а, № 2. С. 46-55.
- Кызласов И.Л. Прочтение наскальных рунических надписей Кыргызстана // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Вып. 1. Бишкек, 2005б. С. 54-67.
- Кызласов И.Л. Прочтение рунической надписи урочища Актерек // Рольnomадов в формировании культурного наследия Казахстана. Алматы: Принт-S, 2010. С. 345-346.
- Кызласов И.Л. Как называли руническое письмо сами тюркские народы // Российская тюркология. Казань – М., 2011, № 2. С. 62-74.
- Рогожинский А.Е., Кызласов И.Л. Древнетюркская руническая надпись из урочища Тамгалы (Семиречье) // Краткие сообщения Института археологии РАН, вып. 216, 2004. С. 41-46.
- Рогожинский А.Е., Кызласов И.Л. Руническая надпись ущелья Жаксылыкрай (Семиречье) // Маргулановские чтения – 20011. Материалы международной археологической конференции. Астана, 20-22 апреля 2011 г. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2011. С. 330-334.
- Рогожинский А.Е. Новые находки памятников древнетюркской эпиграфики и монументального искусства на юге и востоке Казахстана // Рольномадов в формировании культурного наследия Казахстана. Алматы: Принт-S, 2010. С. 329-344.
- Смагулов Е.А. Продолжения исследования стратиграфии Древнего Саурана // Отчет об археологических исследованиях в 2008 году по государственной программе «Культурное наследие». Алматы, 2009. С. 204-209.
- Смагулов Е.А. Древний Сауран. Алматы: АБДИ Компани, 2011. 436 с.
- Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Исследования Древнего Саурана // Хабарлары / Известия НАН Республики Казахстан. Алматы: НАН РК, 2010, № 1. С. 226-243.
- Плетнева С.А. Керамика Саркела – Белой Вежи // МИА, 75. М.-Л., 1959. С. 212-272.
- Плетнева С.А. Печенеги, торки, половцы // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 213-222, 258, 259.